

МЕТАМОРФОЗЫ ПОДВОДНОГО ЦАРСТВА

В Государственном театре кукол Удмуртии (Ижевск) Анастасия Павлова и Владимир Степанов показали «Рыбью песню», созданную по мотивам сказок М.Е. Салтыкова-Щедрина. Маленькое по продолжительности действие (52 минуты) на маленькой сцене (два квадратных метра) в маленьком зрительном зале (20 зрителей) неожиданно произвело очень сильное впечатление. Сама камерность спектакля в данном случае символична, ибо «Рыбья песнь» для тех, кто умеет расслышать беззвучную песню рыбы. Перед зрителем предстанет невидимый мир, в котором создатели приоткрывают тайны русского подводного царства: *«Жаль, что в речке, на воде, // Нет следов твоих нигде. // Только темень, только тишь, // Рыбка, рыбка, где ты спишь?»* (И. Токмакова).

Казалось бы, смысловый потенциал щедринских сказок в значительной мере уступает тому, что было сделано писателем в большой прозе («Губернские очерки», «Современная идиллия», «Пошехонская старина», «Мелочи жизни» и другие). Сам писатель честно предсказывал, что его сказки будут неинтересны будущему поколению читателей. Однако Щедрин ошибся в своем предсказании: вечная злободневность классики указывает на неизменность законов, по которым живет российское государство вот уже на протяжении нескольких столетий. Пожалуй, Щедрин постиг самое главное – глубинную, невидимую реальность, скрытую от взгляда. Подводные течения определяют русскую историю, но именно здесь и следует искать разгадку России.

Жанр камерного спектакля максимально вытягивает зрителя в свое пространство. Граница, условно отделяющая сцену от зала, сооружена из подборки книг, журналов и газетных вырезок, соотносящихся с рыбьей тематикой. Поскольку зрители находятся в непосредственной близости от разворачиваемого действия, они легко могут прочитать

пестрящие заголовки. Помимо томика сказок М.Е. Салтыкова-Щедрина на сцене лежат книги Исаака Уолтона «Искусный рыболов, или Медитация для мужчин», Леонида Сабанеева «Все о рыбалке» и другие. Собранные вместе, журнальные и газетные вырезки вызывают ощущение абсурда и напоминают то ли безумную классификацию животных из «китайской энциклопедии» Л.Х. Борхеса, то ли каталоги Бенедикта из культового романа Т. Толстой «Кысь».

Внутри этого книжного круга сидит главный и единственный герой спектакля Рыбак (Владимир Степанов). Перед ним три ведра-водоема, из которых он будет ловко вылавливать «сказки для детей изрядного возраста». Сцена, она же – авансцена, освещена ровным светом. Вот, собственно, и все оформление спектакля, восходящее к идее «бедного театра» Питера Брука. Поразительно, что в этой минималистской среде актер чувствует себя как рыба в воде. Из вечной немоты подводного мира рождается первая фраза: «Я – рыба». Рыбак на глазах у зрителя оборачивается Рыбой, а все дальнейшее развитие действия будет связано с постоянными превращениями Рыбака в Рыбу и обратно. На берегу воображаемой реки разыгрываются вечные сюжеты, связанные с жизнью русской провинции. Как и всякий рыбак, Владимир Степанов мечтает выловить Крупную рыбу:

– Да помилуй, ваше благородие, где ж возьмешь эку рыбу?

– Где? А в воде?

– В воде-то, знамо дело, что в воде; да где ее искать-то в воде?

Поиск чудесной Рыбы-кита и будет составлять внутреннюю пружину ижевского действия. Свой первый рассказ Рыбак ведет от лица вяленой воблы – куклы-личины, створки которой открываются на глазах у зрителя, обнажая внутреннюю пустоту. Еще в первой половине XX века В. Гиппиус написал замечательное исследование о



«Рыбья песнь». Рыбак — В. Степанов

«кукольности» щедринского мира («Люди и куклы в сатире Салтыкова-Щедрина»). Тема куклы неизменно соотнесена с темой смерти: почти во всех своих произведениях писатель выявляет мертвое (личинное) начало, разрушающее жизнь. «**Вяленая вобла**» — одна из самых зловещих сказок Щедрина, которую, кажется, современное российское общество давно запаматовало, а Рыбак взял и вытащил своей чудесной удочкой. Вслед за куклой-личинкой, у которой «ни лишних мыслей, ни лишних чувств, ни лишней совести», кто-то, забыв о трагическом опыте XX века, вновь рукоплещет и вопит: «Да здравствуют ежовые рукавицы!..»

Вторая пойманная рыбка-сказка — «**Премудрый пескарёв**». И вновь речь идет о мертвом рыбьем царстве. В одном из романов Андрея Платонова имеется замечательное рассуждение: «Рыба стоит между жизнью и смертью». Щедрин первым из классиков угадал тему «жизни вне жизни». Бытийственный страх пескарёва связан с великой непредсказуемостью каждодневного существования. На глазах у зрителей Рыбак превращает ведро в уютную норку, которая будет хранить его героя от всех опасностей. В этой норке, освещенной искусственным

светодиодным светом, есть все, чтобы уберечься от поджидающей за порогом Смерти-щуки. Единственное, что остается пескарёву, — мир прекрасных грез об *Иной* жизни. Замечательно, что спектакль включает в себя множество культурных аллюзий. Так мечты пескарёва о Прекрасной Даме воскрешают в памяти то ли сказочную принцессу, то ли Незнакомку А. Блока, то ли змеинный миф. Еще из школьных учебников хорошо известно, что в своей сказке Салтыков-Щедрин высмеял обывательскую психологию русской интеллигенции. Но мы наивно полагали, что это относится к XIX, а не к XXI веку...

Наконец, в заключительной части спектакля Рыбак вылавливает «**Карася-идеалиста**». Предельно обнажая принцип театральной условности, Рыбак берет в руки книгу сказок Салтыкова-Щедрина и начинает читать историю о Карасе, Ерше и Щуке. Вечный спор Карася-идеалиста и Ерша-скептика неразрешим, между тем как миром правит Случайность: «Щука разинула рот от удивления. Машинально потянула она воду и, вовсе не желая проглотить карася, проглотила его». История, по Салтыкову-Щедрину, не делается, а случается. В свете этого знания правда Ерша также оказывается относительной.



Сцена из спектакля

Как правило, жанр моноспектакля замедляет сценическое время, чего не скажешь о динамичности «Рыбей песни». Весь спектакль построен на эффектных превращениях Рыбака в Рыбу, Хищника в Жертву и наоборот. Создатели спектакля выявляют амбивалентность щедринского мира, где противоположные полюса таинственно связаны между собой, и эта сокровенная связь является характерной чертой российской государственности. Ужас этого мира не в том, что подводное царство населено страшными хищниками, а в неувимости перехода от Живого к Мертвому, от Идеализма к Агрессии.

Несмотря на непродолжительное сценическое время, Рыбак успевает не только рассказать сказки, но и поиграть со зрителями. Всего один шаг отделяет актера от публики, и он легко перешагивает эту черту, тут же оказываясь едва ли не в середине зрительного зала. Вместе с «детьми изрядного возраста» актер вспоминает русские пословицы и поговорки, связанные с рыбой темой. Вот уж, действительно, как сказал Александр II: «Все страны живут по закону, а Россия – по пословицам и поговоркам». После завершения спектакля каждый из пришедших получает мармеладного червяка в подарок.

Все три сказки рисуют гибель героев (Вобля мертва, Пескарь исчезает, а Карась-идеалист проглочен Щукой). Художественный мир Щедрина не несет в себе авторской веры в грядущие изменения. И все же в спектакле Театра кукол Удмуртии присутствует свет. Само движение сюжета от «Вяленой воблы» к финальному звучанию французского сонета указывает на то, что в российских водах еще плавает Большая рыба. В заключительной сцене спектакля осуществляется еще одна метаморфоза – на заднике появляется огромное полотно с изображением сказочной красоты Рыбы и звучит стихотворение Ж.М. Эредиа:

*Сверкая чешуей, как жидкая эмаль,
Там рыба грузная сквозь голубой хрусталь,
Дремотствуя, плывет, – сверкающее чудо, –
И вдруг, внезапно взвив свой огненный плавник,
Ныряет. И в воде узорной в этот миг
Бежит дрожь золота, огня и изумруда...*

Просветленность финала – это надежда на чудо преображения России, вера в то, что пойманная золотая рыбка исполнит чаяния русского народа.

Татьяна ЗВЕРЕВА